

УДК 1(091)

ЛЮБОВЬ АКСЕЛЬРОД О КАНТЕ:
ОСМЫСЛЕНИЕ
МАРКСИСТСКИХ ДИСКУССИЙ
1920–1930-х ГОДОВ В СССР

Т. Г. Щедрина¹, И. О. Щедрина²
Ю. Штольценберг³

Возвращение к отечественной философии марксизма без замалчиваний, фальсификаций и упрощений, а также прояснение перспектив его дальнейшего развития – основная целевая установка, привлекающая авторское внимание к историческому материализму. Речь пойдет о последовательнице Георгия Валентиновича Плеханова Любове Исааковне Аксельрод, обратившейся при разработке концепции исторического материализма к И. Канту. Опубликованные труды Аксельрод (от ранних статей и диссертации о мировоззрении Л. Н. Толстого до зрелых работ по истории материализма и философско-социологических текстов о литературной классике) и ее эпистолярное наследие (прежде всего переписка с Г. В. Плехановым) показывают, что переосмысление идей Канта становилось для нее своеобразным ориентиром в «критике критицизма», направленной на гносеологические рассуждения неокантовцев, с одной стороны, и на отечественных мыслителей, ставших на путь «идеализма», – с другой. Такой методологический ход был фактически продолжен сотрудниками сектора исторического материализма в Институте философии Академии наук СССР (руководитель В. Ж. Келле), и, что особенно важно, он и сегодня оказывается актуальным для осмысления принципа историзма в отечественной философии и науке. Анализируя материалы дискуссий «диалектиков» (деборинцев) и «механистов» (к которым часто

¹ Московский педагогический государственный университет (МПГУ),

Россия, 119991, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1.

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ «ВШЭ»),

Россия, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4.

³ Галле-Витгенбергский университет им. М. Лютера, Германия, 06108, Галле (Зале), Эмиль-Абдерхальденштрассе, д. 26–27.

Поступила в редакцию: 05.09.2024 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2024-4-6

LYUBOV AXELROD ON KANT:
REFLECTIONS
ON MARXIST DISCUSSIONS
OF THE 1920s AND 1930s IN THE USSR

T. G. Shchedrina,¹ I. O. Shchedrina,²
J. Stolzenberg³

The authors attempt to look back on discussions of Marxist philosophy and historical materialism in this country without censoring, obfuscating, or simplifying issues in order to assess the prospects of their development. They focus on the work of a follower of Georgy Plekhanov, Lyubov Axelrod, who, in developing the concept of historical materialism, turned to Kant. Axelrod's published works (from early articles and a dissertation on Tolstoy's worldview, to her mature works on the history of materialism and philosophical-sociological texts on literary classics) and her epistolary legacy (most notably her correspondence with Plekhanov) show that, for her, rethinking the ideas of Kant was a reference point in the "critique of criticism" directed at the epistemological reasoning of Neo-Kantians, on the one hand, and at the Russian thinkers who had embraced "idealism" on the other. This was essentially the approach adopted by scholars at the Historical Materialism Department of the USSR Academy of Sciences (headed by Vladislav Zh. Kelle) and, even more importantly, this approach is still relevant to the study of the principle of historicity in philosophy and science in Russia today. Analysing the debates between "dialecticians" (headed up by Abram M. Deborin) and "mechanicists" (with whom Axelrod is often identified), the authors hold

¹ Moscow Pedagogical State University (MPGU).

1/1 Malaya Pirogovskaya st., Moscow, 119991, Russia.

² HSE University.

21/4, Staraya Basmannaya st., Moscow, 105066, Russia.

³ Martin-Luther-University Halle-Wittenberg (MLU).

Emil-Abderhalden-Str. 26-27, 06108 Halle (Saale), Germany.

Received: 05.09.2024.

doi: 10.5922/0207-6918-2024-4-6

причисляют и Аксельрод), авторы проводят мысль о том, что ее научно-философская концепция материалистического понимания традиции историзма явилась в эпистемологическом плане своеобразным связующим звеном между дореволюционной традицией «положительной» философии на русской почве и реальным марксизмом в СССР.

Ключевые слова: марксизм, Любовь Аксельрод, Кант, исторический материализм, диалектический материализм, философия истории, «механисты», «диалектики»

Путь марксистской философии в СССР, весьма основательно переплетенной с идеологическими установками, чрезвычайно сложен и трагичен. Смысловая составляющая марксизма периодически перекраивалась под практические нужды, становилась мишенью фальсифицирующей критики, зачастую игнорировалась и в России, и за рубежом. И все эти идеологические «зашоривания» и словесные «забалтывания», затрудняющие понимание реальной эволюции марксизма в России как мыслительного направления, делают чрезвычайно актуальной задачу восстановления отечественной истории марксистской интеллектуальной традиции.

О Любви Исааковне Аксельрод (1868–1946) сегодня известно не так уж много и в основном из энциклопедических текстов. В марксистской историко-философской литературе о ней чаще всего вспоминают как об авторе рецензии на работу В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» (Коргунюк, 1991), как об ученице и последовательнице Г. В. Плеханова (Филатов, 1995; Зорина, Кулакова, 2002), как о критике идей А. А. Богданова (Сидорин, 2021) и, конечно же, как об активной участнице спора «механистов» и «диалектиков» (Яхот, 1991; Мареева, 2017), боровшейся с любыми проявлениями идеализма в философии (Аксельрод, 1922). В конце XX — начале XXI столетия о ней заговорили еще и в рамках темы «Женщины в философии» (Ванчугов, 1996) и в контексте «вечных» проблем «религиозности» и «национализма», актуализируя ее статью «Г. Бердяев и моя бабушка» (Боев, 2005).

that, in epistemological terms, her scientific-philosophical concepts of the materialist interpretation of the tradition of historicity is a kind of bridge between the pre-revolutionary tradition of “positive” philosophy on Russian soil, and Marxism as it existed in the USSR.

Keywords: Marxism, Lyubov Axelrod, Kant, historical materialism, dialectical materialism, philosophy of history, “mechanicists”, “dialecticians”

The path of Marxist philosophy in the USSR, intertwined as it has been with ideological tenets, is extremely tortuous and tragic. The gist of Marxism was periodically revised to suit the exigencies of the day, falsified and often ignored both in and outside Russia. These ideological “blinkers”, verbal “muddying of the waters” that obscure the true evolution of Marxism in Russia as a trend of thought, prompt the need to restore the history of the Marxist intellectual tradition in Russia.

Not much is known about the life and work of Lyubov Isaakovna Axelrod (1868–1946); and what we do know mostly comes from encyclopaedic sources. In Marxist historical-philosophic writings she is most frequently mentioned as a reviewer of Lenin’s book *Materialism and Empiriocriticism* (Korgunyuk, 1991); as a pupil and follower of Georgy V. Plekhanov (Filatov, 1995; Zorina and Kulakova, 2002); as a critic of Aleksandr A. Bogdanov (Sidorin, 2021); and of course as an active participant in the debate between “mechanicists” and “dialecticians” (Yakhont, 1991; Mareyeva, 2017), and a fierce opponent of idealism in philosophy (Axelrod, 1922). At the turn of the twentieth and twenty-first centuries, she began to be mentioned in the context of “Women in Philosophy” (Vanchugov, 1996), of the “eternal” questions of “religion” and “nationalism”, and of her article, “M. Berdyayev and My Grandmother” (Boyev, 2005).

А между тем осмысление интеллектуально-го пути Л. И. Аксельрод в аспекте ее отношения к Канту⁴ позволяет обогатить наши представления о развитии русского марксизма именно как философского течения и переосмыслить дискуссии «механистов» и «диалектиков» в контексте трансформации принципа историзма «положительной» философии⁵ в концепцию реального «исторического материализма» в 1920–1930-е гг. в СССР. Более того, такой ход открывает для нас мотивацию советских философов-марксистов 1960–1970-х гг.⁶, двигавшихся по пути, намеченному, как это ни парадоксально, Аксельрод. Мы отдаем себе отчет в том, что философскую позицию Аксельрод никак нельзя назвать кантианской, однако имя Канта присутствует в ее произведениях гораздо чаще, чем имя Гегеля. И можно только согласиться с Н. В. Мотрошиловой в том, что «русские кантовские штудии — скорее повод для борения идей, столкновения “умозрений и откровений” вокруг тем и проблем, поистине судьбоносных как для России, так и для всего мира» (Мотрошилова, 2006, с. 195).

Будучи студенткой Бернского университета, Аксельрод писала на немецком языке диссертацию об эволюции мировоззрения Льва Толстого. В то же время она переписывалась с Плехановым, находившимся в Женеве, и практически в каждом их письме возникало имя Канта в контексте марксистской критики неокантианской социал-демократии. Причем для Аксельрод был интересен именно гносеологический аспект кантианства, поскольку она считала, что неокантианцы «зря выбросили» у Канта «вещь в себе». Весной 1898 г. Аксельрод пишет Плеханову:

⁴ И неслучайно ее имя и идеи обсуждаются в недавно появившейся монографии (Круглов, 2024, с. 630–636, 643, 645).

⁵ О «положительной» философии см.: (Щедрина, Щедрина, 2022).

⁶ Мы имеем в виду прежде всего В. Ж. Келле и его коллег из сектора исторического материализма Института философии АН СССР (Беседа..., 2014).

And yet exploring the intellectual journey of Lyubov Axelrod, specifically her attitude to Kant,⁴ enables us to enrich our ideas of the development of Russian Marxism as a philosophical current, and to reappraise the debate between the “mechanicists” and the “dialecticians” in the context of the transformation of the principle of historicity of “positive” philosophy⁵ into “historical materialism” in the USSR in the 1920s and 1930s. Moreover, this approach gives us insight into the motivations of Soviet Marxist philosophers in the 1960s and 1970s,⁶ who, paradoxically, followed the trail blazed by Axelrod. We are aware that Axelrod’s philosophical position is anything but Kantian; but Kant’s name crops up in her works more often than Hegel’s. One can follow Nelly V. Motroshilova (2006, p. 195), who believes that “Russian Kantian studies are more of a pretext for a contest of ideas, a clash of ‘theories and insights’ over topics and problems that are truly fateful for Russia and the world”.

As a student at Bern University, Axelrod wrote, in German, a dissertation on the evolution of Leo Tolstoy’s views. At the same time, she corresponded with Plekhanov, who lived in Geneva, with Kant’s name cropping up in practically every letter in the context of Marxist critique of Neo-Kantian social democrats. Axelrod was interested in the epistemological aspect of Kantianism because she believed that Neo-Kantians should not have “scrapped” Kant’s “thing-in-itself”. In a letter to Plekhanov in the spring of 1898 she wrote:

⁴ It is no accident that her name and ideas are discussed in a recent monograph (Krouglov, 2024, pp. 630-636, 643, 645).

⁵ On “positive” philosophy, see T. Shchedrina and I. Shchedrina (2022).

⁶ We are referring above all to Vladislav Zh. Kelle and his colleagues at the Historical Materialism Department of the Institute of Philosophy of the USSR Academy of Sciences (Pruzhinin and Kelle, 2014).

Они <неокантианцы> забывают, что отрицать значит и утверждать. Граница познания предполагает хоть смутное представление о том, что лежит по ту сторону ее. Внепространственная и вневременная «вещь в себе» Канта, т.е. вещь, находящаяся Нигде и Никогда, есть величайшая нелепость с кантовской же точки зрения, нелепость потому, что мы, по Канту, в силу нашей формы восприятия не можем иметь никакого представления о чем-то внепространственном и вневременном. Но как бы ни была нелепа кантовская «вещь в себе», an und für sich, она все-таки является самым здоровым зерном в системе Канта. Как бы Кант ни общипал внешний мир, он все-таки признавал и даже настаивал на его существовании (Переписка..., 1934, с. 284–285).

Это эпистолярное размышление соотносится с тем, как она осмысливает в диссертации мировоззрение Толстого в контексте кантовской этики:

Мы признаём, что нравственное чувство и нравственное поведение в конечном счете действительно заключаются в ограничении личности в пользу ближнего или целого, независимо от того, включает ли это ограничение момент удовольствия или, как утверждает Кант, момент неудовольствия. Из факта существования ограничения личности, однако, никоим образом не следует, что его требуется выводить из какого-либо метафизического принципа. Скорее, ограничение личности в пользу ближнего может проистекать из стремления к самосохранению, с одной стороны, и социального существования — с другой, что составляет основную идею утилитаристов⁷ (Axelrod, 1902, S. 86; пер. с нем. И. А. Михайлова).

⁷“Wir geben zu, dass das sittliche Fühlen und Handeln in erster und letzter Instanz wirklich in der Beschränkung der Persönlichkeit zu Gunsten des Nächsten oder der Gesamtheit besteht, gleichviel ob diese Beschränkung ein Lustmoment oder, wie es Kant wissen will, ein Unlustmoment einschliesst. Aus der Tatsache der Existenz der Beschränkung der Persönlichkeit folgt aber nicht im mindesten, dass diese von einem metaphysischen Prinzip abgeleitet zu werden braucht. Vielmehr kann die Beschränkung der Persönlichkeit zu gunsten des Nächsten aus dem Selbsterhaltungstrieb einerseits und aus dem sozialen Dasein andererseits herrühren, was den Grundgedanken der Utilitarier ausmacht”.

They [Neo-Kantians] forget that to deny is not the same thing as to assert. The limit of cognition implies at least a vague notion of what lies beyond it. Kant's thing-in-itself that is outside space and time, is Nowhere and Never, is rank absurdity from Kant's own point of view because according to Kant, owing to our form of perception, we cannot have any notion of what is outside space and time. But, however absurd Kant's thing-in-itself may be, an und für sich, it is still the healthiest kernel in Kant's system. However thoroughly he may have stripped away the external world Kant still recognised and even insisted on its existence (Plekhanov and Axelrod, 1934, pp. 284-285).

This epistolary reflection resonates with what she wrote in her dissertation about Tolstoy's worldview, in the context of Kantian ethics:

We concede that the moral feeling and moral behaviour consist, in the final analysis, in constraining the individual in favour of what is close and whole regardless of whether or not the constraint brings pleasure or, as Kant claims, displeasure. But it does not follow from the fact of the existence of constraint of the individual that it should be derived from some metaphysical principle. Rather, constraint of the individual in favour of a close one may be prompted by the instinct of self-preservation, on the one hand, and social being on the other, which is the key idea of the utilitarians⁷ (Axelrod, 1902, p. 86).

⁷Cf. “Wir geben zu, dass das sittliche Fühlen und Handeln in erster und letzter Instanz wirklich in der Beschränkung der Persönlichkeit zu Gunsten des Nächsten oder der Gesamtheit besteht, gleichviel ob diese Beschränkung ein Lustmoment oder, wie es Kant wissen will, ein Unlustmoment einschliesst. Aus der Tatsache der Existenz der Beschränkung der Persönlichkeit folgt aber nicht im mindesten, dass diese von einem metaphysischen Prinzip abgeleitet zu werden braucht. Vielmehr kann die Beschränkung der Persönlichkeit zu gunsten des Nächsten aus dem Selbsterhaltungstrieb einerseits und aus dem sozialen Dasein andererseits herrühren, was den Grundgedanken der Utilitarier ausmacht”.

Но еще до публикации диссертации она выпускает в русском переводе статью «Опыт критики критицизма», которую написала сначала на немецком. А в 1906 г. этот текст без изменений вошел в ее книгу «Философские очерки» с уточняющим концептуальными установками подзаголовком «Ответ философским критикам исторического материализма». Таким образом, уже на раннем этапе становления Аксельрод как философа-марксиста имя Канта и его теория познания были у нее тесно связаны с идеей исторического материализма.

В этой книге Аксельрод ставит под сомнение сами принципы критической философии, ведущие ее современников-неокантианцев к идеализму, и последовательно проводит мысль о продуктивности материалистического понимания истории.

Теории, которые содержат в себе очевидные истины, легко подвергаются вульгаризации. К таким теориям принадлежат теория Маркса и теория Канта. <...> Очевидность влияния «экономического фактора» дает... возможность получить поверхностное представление о марксизме, а это поверхностное представление делает дилетанта вульгарным противником этого сложного и всеобъемлющего мировоззрения.

Нечто подобное происходит по отношению к системе Канта, только с противоположным результатом. Всякий интересующийся философией дилетант знает из учебников, популярных лекций, а иногда и из рассказов своих знакомых, что Кант поставил в центр своей системы научный опыт и что он проповедовал нравственный долг. И не имея ни малейшего понятия о внутреннем содержании Кантовой теории опыта и этики, дилетант, полагаясь на формальные определения, становится вульгарным приверженцем критицизма (Аксельрод, 1906, с. 9–10).

Между прочим, описанная ею ситуация напоминает и наше современное восприятие (и неприятие) истмата (и в целом марксистской

However, already before the publication of her dissertation she had put out a Russian translation of the article “An Essay in Critique of Criticism”, originally written in German. In 1906, the text was published in full as part of her book *Philosophical Sketches* with a subtitle, “Answer to Philosophical Critics of Historical Materialism”. Thus, already at an early stage of Axelrod’s evolution into a Marxist philosopher, she associates Kant’s name and his theory of cognition with the idea of historical materialism.

In this book, Axelrod questions the very principles of critical philosophy which lead her Neo-Kantian contemporaries to idealism, and consistently stresses the productiveness of the materialist view of history.

The theories which contain obvious truths are prone to be vulgarised. The theory of Marx and the theory of Kant belong to that category. [...] Because the impact of the ‘economic factor’ is obvious [...] it is easy to get a superficial impression of Marxism, and this superficial impression of Marxism turns a dilettante into a vulgar enemy of this complex and all-embracing world view.

Something similar happens to Kant’s system, only with the opposite result. Any dilettante interested in philosophy knows from textbooks, popular lectures, and sometimes from hearsay, that Kant put scientific experience at the centre of his system and that he preached moral duty. Not having the faintest idea of the inner content of the Kantian theory of experience and ethics, a dilettante, leaning on formal definitions, becomes a vulgar adherent of criticism (Axelrod, 1906, pp. 9-10).

Incidentally, the situation she describes above is not unlike our present-day reception (or rejection) of historical materialism (and Marxist-Leninist philosophy as a whole) through the prism of the Marxist-Leninist dogma, that is, as human history’s pre-ordained movement toward a posited goal, an ideal so-

философии) сквозь призму уже догматизированного марксизма-ленинизма, то есть как некой изначально заданной схемы движения самой по себе истории человечества к предположенной цели — к идеальному (справедливому для всех) общественному устройству. Но тогда непонятно, как к этой «схеме» могли проявлять интерес мыслители на рубеже XIX—XX вв. Очевидно, что в поле их внимания были иной марксизм и иная концепция исторического развития общества. К этим идеям обращались весьма многие отечественные философы — С. Н. Булгаков, Г. Г. Шпет и др. Причем их интересовали не только и даже не столько привлекательные идеи будущего общества, преодолевающего очевидные пороки реально складывающегося социума, но и связь этих идей с апелляцией к внутренней преемственности исторической динамики общественного развития. Особенно остро этот историзм марксизма того времени нуждается в переосмыслении сегодня. И Аксельрод открывает нам возможность такого переосмысления самым опытом своей жизни в философии. В 1918 г. она прекращает революционную деятельность, а потом уезжает в Тамбов (не в Томск, как ошибочно указано в некоторых источниках). Там она пишет статьи и читает лекции для народных учителей, курсантов и студентов только что организованного университета. Так рождается ее «Курс лекций по историческому материализму», опубликованный первоначально в журнале «Красная новь» в 1922—1923 гг. (Аксельрод, 1924).

Как убежденно и вместе с тем еще довольно свободно она рассуждает в лекциях об отличии своего понимания исторического материализма от концепции Н. И. Бухарина (см.: Бухарин, 1923)... Интересно и то, что в ее курсе рядом с хрестоматийными фигурами Маркса и Энгельса оказываются и Боссюэ, и Вико, и многие другие философы. Лекции Любови Исааковны отличаются ясностью изложения. Она как будто «видит перед собой этого слушателя нашего

cial system in which all are equal. So why did it attract the interest of thinkers at the turn of the nineteenth and twentieth centuries? Clearly, they were looking at a different Marxism and a different concept of society's historical development. These ideas engaged the minds of many Russian philosophers, among them Sergey N. Bulgakov, Gustav G. Shpet and others. And they were interested not only or largely in the lure of a future society which gets rid of the obvious flaws of an emerging real society, but in the link of these ideas with the appeal to the inherent continuity of the historical dynamics of society's development. The need for such reappraisal of the historicity of Marxism is particularly felt today. Axelrod's own philosophical career offers such an opportunity. In 1918, she gives up her revolutionary activities and moves to Tambov (and not to Tomsk, as some sources mistakenly claim). There, she writes articles and delivers lectures to the teachers, course members and students of the newly-organised university. Her "Course of Lectures on Historical Materialism" was first published in the journal "Krasnaya nov'" ["Red Novelty"] in 1922—1923 (Axelrod, 1924).

In these lectures, she speaks with conviction and still with relative freedom about the difference of her concept of historical materialism from that of Nikolay Bukharin (1923). Interestingly, her course includes, along with the iconic figures of Marx and Engels, Bossuet, Vico, and many other philosophers. Her style of lecturing is remarkably lucid. She seems "to see in front of her the modern listener eager to understand the complexities of philosophy of the past and present. She reaches out to her reader whether she writes an engaging book about morality and beauty in the works of Oscar Wilde or unwraps Rickert's confusing theory" (State Academy of Artistic Sciences (GAKhN), 1926, p. 9).

времени, жаждущего постигнуть сложные основы философии прошлого и настоящего. Аксельрод как бы чувствует своего читателя. Это чувство читателя никогда не покидает ее — пишет ли она интересную книжку о морали и красоте в произведениях Оскара Уайльда или разбирает запутанную теорию Риккерта» (Любовь Исааковна Аксельрод..., 1926, с. 9).

В «Курсе лекций» Кант появляется снова, но в центре внимания Аксельрод уже не его категорический императив и не его «вещь в себе», но текст «К вечному миру».

Великая французская революция основательно всколыхнула мыслящую интеллигенцию Германии. Грандиозные, потрясающие события, сделавшие, как тогда выражались, разум основой мировой жизни, дали могучий толчок к исторической мысли избранным умам страны, которая, казалось, еще спала мертвым, непробудным сном.

Прежде всего Кант (1724—1804) и Гердер проявляют живейший интерес к вопросам философии истории.

По Канту, вечные идеи права и справедливости, являясь регулятивными руководящими идеями, осуществляют в своем историческом развитии свободу народов. Свобода народов и вечный мир были общественно-историческим идеалом Канта (Аксельрод, 1923, с. 184).

Примечательна и та цитата Канта, которую приводит Аксельрод, акцентируя внимание на том, что

в трактате «К вечному миру», где главным образом обосновываются и развиваются философско-исторические взгляды мыслителя, мы читаем следующее чрезвычайно характерное место:

«Настанет когда-нибудь время, когда среди народов земного шара взаимная внутренняя связь (более или менее тесная) достигнет таких размеров, что нарушение права в одном месте земного шара даст себя почувствовать во всех пунктах его. Поэтому идея всемирно-гражданского права не является фантасти-

Kant reappears in the “Course of Lectures”, but this time around Axelrod focuses not on the categorical imperative and the thing-in-itself, but on the text about “perpetual peace”:

The Great French Revolution gave a powerful jolt to the intellectual community in Germany. The grandiose, breath-taking events which, to use an expression of the time, made reason the basis of world life, gave a powerful impetus to historical thought in the country which seemed to be in a deep slumber.

First Kant (1724—1804) and Herder show a lively interest in issues of philosophy of history.

According to Kant, the eternal ideas of right and justice, being regulatory ideas, set the peoples free in their historical development. The freedom of the peoples and perpetual peace were Kant’s socio-historical ideal (Axelrod, 1923, p. 184).

In quoting Kant, Axelrod tellingly stresses that

In the treatise *Toward Perpetual Peace*, in which Kant mainly grounds and develops his philosophical-historical views, we read the following highly characteristic passage:

“The time will come when the (more or less close) mutual inner connection among the peoples of the globe grows to the point when deprivation of rights in one place of the globe would make itself felt in all its parts. That is why the idea of the world civil right is not a fantastic or utopian concept of right, but a necessary complement to the unwritten code of state and international public human law in general. This condition alone makes it possible to cherish the hope for a perpetual peace toward which we are gradually moving” (*ibid.*; cf. *ZeF*, AA 08, p. 360; Kant, 2006, pp. 84-85).

To outline the contour of the views on the philosophy of history she held at the time, let us quote her closing reflections on Kant in the “Course of Lectures”:

ческим или утопическим представлением о праве, но необходимым дополнением к неписаному кодексу как государственного, так и международного публичного человеческого права вообще. Только при этом условии является возможность утешаться надеждой на осуществление вечного мира, к которому мы постепенно приближаемся» (Там же; ср.: АА 08, S. 360; Кант, 1966, с. 279; ср.: Кант, 2024, с. 180).

Чтобы уточнить общие контуры сложившихся у нее к этому времени воззрений на философию истории, приведем ее заключительное рассуждение о Канте из «Курса лекций»:

Целостно-единого философско-исторического воззрения Кант не дал с точки зрения его теории познания и не мог дать. Дуализм между непознаваемой и неподвижной вещью в себе и не менее неподвижными априорными формами вообще лишает возможности по существу открыть движущее начало исторического хода развития. В конечном счете философия истории Канта сводится к субъективно-метафизическим построениям отвлеченного права и отвлеченной метафизической идеи справедливости (Аксельрод, 1923, с. 184).

Как видим, к 1919 г. в концепции исторического материализма Аксельрод мало что поменялось структурно, зато обогатилось содержательно и конкретно-исторически.

Именно историческое понимание материализма составляет принципиальное основание Аксельрод в споре «диалектиков» и «механистов» и проясняет особенность ее позиции в этом споре. Напомним, что смысл позиции Аксельрод, в отличие от «механистов» (к которым ее часто относят), в этом споре отчетливо выразил В. Ф. Пустарнаков: «Аксельрод разделяла некоторые идеи так называемого “механистического понимания” мира, но в смысле не перенесения законов механики на явления природы, а неприятия принципов сотворенности мира, телеологии и витализма» (Пустарна-

Kant did not and could not have given an integral philosophical-historical view proceeding from his theory of cognition. The dualism of the unknowable and immobile thing-in-itself and equally immobile a priori forms in general precludes the discovery of the driving force of historical development. At the end of the day Kant's philosophy of history boils down to subjective-metaphysical constructions of abstract law and an abstract metaphysical idea of justice (Axelrod, 1923, p. 184).

We see that by 1919, Axelrod's concept of historical materialism had not changed much structurally, but was enriched in terms of content and historical concreteness.

It is the historical interpretation of materialism that underpins and clarifies Axelrod's position in the debate between “dialecticians” and “mechanicists”. It will be recalled that her position in the argument differed from that of the “mechanicists” (with whom she is often identified), a difference succinctly formulated by Vladimir F. Pustarnakov (2020): “Axelrod shared some ideas of the ‘mechanistic interpretation’ of the world, but not in the sense of applying the laws of mechanics to natural phenomena, but in the sense of rejecting creativism, teleology and vitalism.” Mechanicists rejected the dialectical “technology” of research that was being foisted upon them and which demanded rigid adherence to rules formulated in advance. In essence, the argument between “mechanicists” and “dialecticians” was about historicity and differing interpretations of its nature.

The debate reached its peak over the issue of Spinozism. Axelrod, following Plekhanov, saw Spinozism as a concrete historical phenomenon. She did not turn dialectics into an external force, a scheme imposed upon natural science. In her article “*Nadoyelo!*” (“Fed Up!”) she writes:

ков, 2020). Механисты отказывались принимать навязываемую диалектическую «технологию» исследования, предполагающую жесткое следование сформулированным заранее правилам. Фактически в основании дискуссии «механистов» и «диалектиков» лежит историзм, и спор идет о разных интерпретациях его природы.

Пиком дискуссий стали споры о спинозизме. Аксельрод вслед за Плехановым рассматривала спинозизм как конкретно-исторический феномен. Она не превращала диалектику во внешнюю силу, в схему, навязываемую естествознанию. В статье «Надоело!» она пишет:

Плеханов рассматривает Субстанцию Спинозы с точки зрения подлинно исторической. В приведенной краткой формулировке Плеханов, как и Фейербах, рассматривает спинозовское учение под углом эпохи и с точки зрения того звена, которое оно составляет в истории материализма. Наши же «диалектики» совершают обычно свои оценки не с диалектической точки зрения, а с чисто *метафизической* и *механической*. Они рассматривают то или иное учение прошедшего не как выражение эпохи и, следовательно, не как звено в историческом развитии, а путем простого механического сравнения его с марксистской философией (Аксельрод, 1927а, с. 172).

Особенность точки зрения Аксельрод в том, что она рассматривала историзм и гегелевски понятую диалектику как условие конкретного понимания явлений во всей их полноте и конкретности⁸. И можно даже сказать, что в методологическом плане она продолжала линию дореволюционной «положительной» философии. Такая позиция позволяла ей рассматри-

⁸ Как уточняет Пустарнаков, «Аксельрод усматривала задачу философов-марксистов не столько в разработке философской системы, ее общих диалектических принципов и законов, сколько в применении этих принципов к конкретным явлениям, в конкретно-научном познании диалектических законов, проявляющихся в различных областях действительности» (Пустарнаков, 2020).

Plekhanov looks at Spinoza's Substance from a truly historical point of view. In the quoted brief formulation Plekhanov, like Feuerbach, considers Spinoza's teaching in the context of the epoch and in terms of its place in the history of materialism. By contrast, our "dialecticians" usually make their assessments not from the dialectical, but from a purely *metaphysical* and *mechanical* point of view. They see this or that doctrine of the past not as an expression of the epoch and consequently, not as a link in historical development, but by mechanically comparing it with Marxist philosophy (Axelrod, 1927a, p. 172).

The distinctive feature of Axelrod's view is that she considers historicity and Hegelian dialectics to be a pre-condition for understanding phenomena in their wholeness and concreteness.⁸ Methodologically, it can be said that she continued the pre-revolutionary line of "positive" philosophy. This position enabled her to consider a phenomenon not in itself, but in the context of the historical situation in which it emerged and developed. She did not impose modern intellectual schemes on history, but tried to understand phenomena as historically emergent. This was the essence of her view on historical development:

Deborin attempts to establish the difference between a concrete and an abstract concept. [...] Such research can be accomplished only in a *concrete historical* way, and not by empty and tedious scholastic reasoning. [...] Lenin was perfectly right in saying that "the validity of this side of the content of dialectics *must be verified by the history of science*". To this

⁸ Pustarnakov (2020) observes: "Axelrod saw the task of Marxist philosophers not so much in developing a philosophical system, its general dialectical principles and laws, but in applying these principles to concrete phenomena, in concrete scientific cognition of dialectical laws that manifest themselves in various areas of reality."

вать явление не само по себе, но в контексте той исторической ситуации, в которой оно возникло и развивалось. Она не навязывала истории современные ей мыслительные конструкции, но пыталась понять явления как исторически становящиеся. В этом состояла суть ее понимания исторического развития:

Деборин делает попытку установить различие между конкретным и отвлеченным понятием. <...> И выполнение такого исследования возможно лишь путем *конкретно-историческим*, а не пустыми схоластическими скучными рассуждениями. <...> Ленин совершенно справедливо замечает, что «правильность этой стороны содержания диалектики *должна быть проверена историей науки*». К этому справедливому замечанию Ленина я прибавлю, что — не только историей науки, но и историей философии и в частности историческим развитием метафизики (Аксельрод, 1927б, с. 137–138).

Диалектика воспринималась как внутренний механизм, который помимо людей движет историю, как саморазвитие, в котором движение происходит как бы само по себе, «объективно». Но ведь существует и воля людей, констатирует Аксельрод и обращается к Канту, у которого находит нравственные установки и направленность к планетарному единству. Кантовский образ будущего общества был притягателен для Аксельрод и Плеханова и соотносился с марксистским мировоззрением. И когда она рассматривает историю развития общества, то возвращается к Канту для понимания законов и динамики истории, учитывая в историческом процессе нравственную сторону, «человечность» истории, которая потом «вылетела» (улетучилась) из истмата полностью (это как раз и демонстрируют дискуссии 1920–1930-х гг.).

Ход развития истории в марксизме ориентирован на достижение нового — бесклассового — общества, и движение в этом

justified remark of Lenin's I would add, not only by the history of science, but also by the history of philosophy, including the historical development of metaphysics (Axelrod, 1927b, pp. 137-138).

Dialectics was perceived as an inner mechanism that propels history as self-development without people, in which movement occurs spontaneously and “objectively”. But, Axelrod argues, there is also the human will, and here she turns to Kant, in whom she finds moral precepts and an aspiration for planetary unity. The Kantian image of a future society held attraction for Axelrod and Plekhanov, and resonated with the Marxist worldview. In considering the history of society, she relies on Kant in her interpretation of the laws and dynamics of history as having a moral aspect, the “humanity” of history which historical materialism would later “jettison” (as witnessed by the debates of the 1920s and 1930s).

In Marxism, the course of history is oriented toward achieving a new, classless society, with movement in that direction being driven above all by dialectics (see Trotsky's ‘philosophical notebooks’ of 1933–1935 (Trotsky, 1986, p. 120)). But, in the process, historical materialism as a scheme sheds morality, replacing it with economic and political factors.

Incidentally, an attempt to bring the historical component back into historical materialism was made by Kelle and his colleagues. Kelle recalled:

We arrived at the idea of separating ideology and cognition ourselves, it was not a case of borrowing something. We put this idea in the “Lectures on Historical Materialism” (1962). At the same time I believed that in Marxism ideology and cognition should coincide. I was not, of course, the only one to think along these lines. It was a shared principle. The reason is that the working class, of which Marxism is the ideology, is interested in objective cognition

направлении стимулировано прежде всего диалектикой (как это мы находим в «философских тетрадах» Л. Д. Троцкого 1933–1935 гг. (Trotsky's Notebooks..., 1986, p. 120)). Но при этом из исторического материализма как схемы исчезают нравственные установки — они были заменены экономико-политическими факторами.

Между прочим, попытку восстановить в истмате историческую компоненту предприняли Келле и его коллеги. Келле вспоминал:

Мы сами пришли к идее разделения идеологии и познания, это не было каким-то заимствованием. Эта идея была проведена нами в «Лекциях по историческому материализму» (1962). Вместе с тем я полагал, что в марксизме в принципе идеология и познание должны совпадать. Конечно, не только я так думал. Это был общий принцип. Совпадение обусловлено тем, что рабочий класс, идеологией которого является марксизм, заинтересован в объективном познании действительности, и лозунги, которые он выдвигает, его идеологические принципы тоже должны соответствовать реальности. Только тогда можно будет сказать, что новое общество строится на основе науки. Но реально это не получалось. И поэтому задача заключалась в том, каким образом построить жизнь, организовать жизнь, организовать саму идеологию таким образом, чтобы она совпадала с познанием, чтобы была действительно научная идеология, как это провозглашала теория. Противоречие между теорией и жизнью, таким образом, получало уже зримое выражение в этой философской проблеме (Беседа..., 2014, с. 492–493).

Эта позиция была подвергнута критике, и сектор закрыли. Исторический марксизм оказался не нужен.

Забытой в сообществе советских марксистов 1930–1940-х гг. оказалась и Аксельрод. Хотя, судя по ее поздним письмам к другу, музыковеду А. А. Альшвангу, она и в последние годы с большой охотой соглашалась читать лекции и писать статьи именно о Канте, тогда как о Гегеле отказывалась (Плотникова, Плотников, Щедрина, 2024, с. 323).

of reality and the slogans it puts forward, its ideological principles should also correspond to reality. Only then shall we have the right to claim that the new society is being built on a scientific foundation. But it did not work in reality. So, the question was how to build life, organise life, and organise ideology itself in a way that it would coincide with cognition, such that it would be a truly scientific ideology, as theory declared. The contradiction between theory and life was thus manifested tangibly in this philosophical problem (Pruzhinin and Kelle, 2014, pp. 492-493).

This position met with criticism and the department was shut down. Historical materialism was no longer needed.

Axelrod, too, was forgotten by the community of Soviet Marxists in the 1930s and 1940s. Even so, judging from her letters to a friend, the music scholar Arnold A. Alshvang, even in her later years she readily agreed to lecture and write articles about Kant — though not about Hegel (Plotnikova, Plotnikov and Shchedrina, 2024, p. 323). As we revisit the subject of historical materialism today, we rediscover Lyubov Axelrod's "archive of the epoch" (but that would be the subject of another conversation).

Irina O. Shchedrina's research is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

References

Axelrod, E. L., 1902. *Tolstois Weltanschauung und ihre Entwicklung*. Stuttgart: Druck der Union Deutsche Verlagsgesellschaft.

Axelrod (Ortodox), L. I., 1906. Dual Truth in Modern German Philosophy. In: L. I. Axelrod (Ortodox), 1906. *Filosofskie ocerki. Otvet filosofskim kritikam istoricheskogo materializma [Philosophical Essays. A Response to the Philosophical Critics of Historical Materialism]*. St. Petersburg: Izd. M. M. Druzhininoj i A. N. Maksimovoj, pp. 9-10. (In Rus.)

Возвращаясь сегодня к осмыслению исторического материализма, мы открываем для себя заново и «архив эпохи» Любови Исааковны Аксельрод. Но это уже тема другого разговора.

Исследование И. О. Щедриной осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Список литературы

Аксельрод (Ортодокс) Л. И. Двойственная истина в современной немецкой философии // Аксельрод (Ортодокс) Л. И. Философские очерки. Ответ философским критикам исторического материализма. СПб. : Изд. М.М. Дружининой и А.Н. Максимовой, 1906. С. 1–92.

Аксельрод Л. И. Против идеализма. Критика некоторых идеалистических течений философской мысли. М. ; Пг. : ГИЗ, 1922.

Аксельрод Л. И. Курс лекций по историческому материализму. Лекция 2 // Красная новь. 1923. № 1 (11). С. 177–188.

Аксельрод (Ортодокс) Л. И. Критика основ буржуазного обществоведения и исторический материализм. Курс лекций. Иваново-Вознесенск : Основа, 1924. Вып. 1.

Аксельрод Л. И. Надоело! // Красная новь. 1927а. № 3. С. 171–181.

Аксельрод Л. И. Ответ на «Наши разногласия» А. Деборина // Красная новь. 1927б. № 5. С. 136–164.

Беседа Б. И. Пружинина с В. Ж. Келле // Культурно-историческая эпистемология: проблемы и перспективы. К 70-летию Бориса Исаевича Пружинина / отв. ред.-сост. Н. С. Автономова, Т. Г. Щедрина ; науч. ред. Т. Г. Щедрина. М. : Политическая энциклопедия, 2014. С. 486–497.

Боев А. Любовь Аксельрод: История неправославного ортодокса // Скепсис. 2005. № 3/4. URL: https://scepisis.net/library/id_395.html (дата обращения: 05.09.2024 г.).

Бухарин Н. И. Теория исторического материализма: популярный учебник марксистской социологии. М. ; Пг. : ГИЗ, 1923.

Ванчугов В. В. Женщины в философии (Из истории философии в России конца XIX — нач. XX вв.). М. : РИЦ «Пилигрим», 1996. С. 240–247.

Axelrod, L. I., 1922. *Protiv idealizma. Kritika nekotorykh idealisticheskikh techenij filosofskoj mysli*. [Against Idealism. A Critique of Certain Idealist Currents of Philosophical Thought]. Moscow: GIZ. (In Rus.)

Axelrod, L. I., 1923. The Course of Lectures on Historical Materialism. Lecture 2. *Krasnaja nov' [Red Novelty]*, 1(11), pp. 177-188. (In Rus.)

Axelrod (Ortodox), L. I., 1924. *Kritika osnov burzhuaznogo obshhestvovedenija i istoricheskij materializm. Kurs lekcij [Critique of the Foundations of Bourgeois Social Science and Historical Materialism. The Course of Lectures]*. Issue I. Ivanovo-Voznesensk: Osnova. (In Rus.)

Axelrod, L. I., 1927a. Fed Up! *Krasnaja nov' [Red Novelty]*, 3, pp. 171-181. (In Rus.)

Axelrod, L. I., 1927b. Response to Our Differences. *Krasnaja nov' [Red Novelty]*, 5, pp. 136-164. (In Rus.)

Boev, A., 2005. Lyubov Axelrod: The Story of a Non-Orthodox Orthodox. *Scepisis: Magazine of Science and Social Criticism*, 3/4. Available at: https://scepisis.net/library/id_395.html [Accessed 02 September 2024] (In Rus.)

Bukharin, N. I., 1923. *Teorija istoricheskogo materializma: Populjarnyj uchebnik marksistskoj sociologii [The Theory of Historical Materialism: A Popular Textbook of Marxist Sociology]*. Moscow & Petrograd: Gosudarstvennoe izdatel'stvo. (In Rus.)

Filatov, V. P., 1995. Axelrod Lyubov Isaakovna. In: A. I. Abramov, ed. 1995. *Russkaya filosofiya. Malyj entsiklopedicheskij slovar' [Russian Philosophy. Small Encyclopedic Dictionary]*. Moscow: Nauka, p. 14. (In Rus.)

Kant, I., 2006. *Toward Perpetual Peace: A Philosophical Sketch*. In: I. Kant, 2006. *Toward Perpetual Peace and Other Writings on Politics, Peace, and History*. Edited and with an introduction by P. Kleingeld; translated by D. L. Colclasure. New Haven & London: Yale University Press, pp. 67-109.

Korgunyuk, Yu. G., 1991. "Materializm i empiriokriticizm" i ego kritiki [Materialism and Empiriocriticism and Its Critics]. *Voprosy filosofii*, 12, pp. 27-38. (In Rus.)

Krouglov, A. N., 2024. *Filosofiya Kanta v Rossii [Kant's Philosophy in Russia]*. Kaliningrad: IKBFU Press. (In Rus.)

Mareeva, E. V., 2017. The Methodological Aspect of the Dispute Between Mechanists and Dialecticians about Spinoza. *Voprosy filosofii*, 1, pp. 91-101. (In Rus.)

Motroshilova, N. V., 2006. *Mysliteli Rossii i filosofiya Zapada [Thinkers of Russia and Western Philosophy]*. V. Solovyov. N. Berdyayev. S. Frank. L. Shestov. Moscow: Respublika & Kul'turnaya revolyutsiya. (In Rus.)

Зорина Е. В., Кулакова Т. В. Аксельрод [Ортодокс] Любовь Исааковна (Ищыковна) // Алексеев П. В. Философы России XIX – XX столетий. Биографии, идеи, труды. 4-е изд. М. : Академический проект, 2002. С. 35.

Кант И. К вечному миру // Кант И. Соч. : в 6 т. М. : Мысль, 1966. Т. 6. С. 256–309.

Кант И. К вечному миру // Кант И. Сочинения по антропологии, философии политики и философии религии : в 3 т. / под ред. Н. А. Дмитриевой (отв. ред.), А. Г. Жаворонкова, А. Н. Круглова, В. А. Чалого. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024. Т. 2 : Сочинения по философии политики. С. 159–211.

Коргунок Ю. Г. «Материализм и эмпириокритицизм» и его критики // Вопросы философии. 1991. № 12. С. 27–38.

Круглов А. Н. Философия Канта в России. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024.

Любовь Исааковна Аксельрод. К XXV-летию научно-литературной деятельности. М. : ГАХН, 1926.

Мареева Е. В. Методологический аспект спора механистов и диалектиков о Спинозе // Вопросы философии. 2017. № 1. С. 91–101.

Мотрошилова Н. В. Мыслители России и философия Запада (В. Соловьев. Н. Бердяев. С. Франк. Л. Шестов). М. : Республика ; Культурная революция, 2006.

Переписка Г. В. Плеханова и Л. И. Аксельрод // Литературное наследие Г. В. Плеханова / под ред. А. В. Луначарского, Ф. Д. Кретьева, Р. М. Плехановой. М. : Соцэкгиз, 1934. Сб. 1. С. 283–380.

Плотникова А. Ю., Плотников В. Ю., Щедрина Т. Г. Хроника жизни и деятельности Л. И. Аксельрод // Русский марксизм: Лев Давидович Троцкий, Николай Иванович Бухарин, Любовь Исааковна Аксельрод, Абрам Моисеевич Деборин / под ред. А. В. Бузгалина, Л. А. Булавки-Бузгалиной, Б. И. Пружинина, Т. Г. Щедриной. М. : Научно-политическая книга, 2024. С. 317–323.

Пустарнаков В. Ф. Аксельрод // Русская философия : энциклопедия / под общ. ред. М. А. Маслина. 3-е изд. М. : Мир философии, 2020. С. 14.

Сидорин В. В. Любовь Исааковна Аксельрод // Институт научной философии. Начало / отв. ред.-сост. А. В. Черняев, Т. Г. Щедрина. М. : Политическая энциклопедия, 2021. С. 144–152.

Филатов В. П. Аксельрод Любовь Иса[а]ковна // Русская философия. Малый энциклопедический словарь / под ред. А. И. Абрамова. М. : Наука, 1995. С. 14.

Plekhanov, G. V. and Axelrod, L. I., 1934. Correspondence. In: A. V. Lunacharsky, F. D. Kretov and R. M. Plekhanova, eds. 1934. *Literaturnoe nasledie G. V. Plekhanova [Literary Heritage of G. V. Plekhanov]*. Volume 1. Moscow: SotsEkGiz, pp. 283-380. (In Rus.)

Plotnikova, A. Y., Plotnikov, V. Y. and Shchedrina, T. G., 2024. Chronicle of the Life and Work of L. I. Axelrod. In: A. V. Buzgalin, L. A. Bulavka-Buzgalina, B. I. Pruzhinin and T. G. Shchedrina, 2024. *Russkiy marksizm [Russian Marxism]: Lev Davidovich Trotsky, Nikolai Ivanovich Bukharin, Lyubov Isaakovna Axelrod, Abram Moiseevich Deborin*. M.: Nauchno-politicheskaya kniga, pp. 317-323.

Pruzhinin, B. I. and Kelle, V. Zh., 2014. A Conversation. In: N. S. Avtonomova and T. G. Shchedrina, eds. 2014. *Kul'turno-istoricheskaja epistemologija: problemy i perspektivy. K 70-letiju Borisa Isaevicha Pruzhinina [Cultural-Historical Epistemology: Problems and Prospects. On the Occasion of the 70th Anniversary of Boris I. Pruzhinin]*. Moscow: Politicheskaja entsiklopediya, 2014, pp. 486-497. (In Rus.)

Pustarnakov, V. F., 2020. Axelrod. In: M. A. Maslin, ed. 2020. *Russkaya filosofiya: Entsiklopediya [Russian Philosophy: Encyclopedia], Third Edition*. Moscow: Mir filosofii, p. 14. (In Rus.)

Shchedrina, T. G. and Shchedrina, I. O., 2022. Immanuel Kant in the Historical Philosophy of Gustav Shpet. *Kantian Journal*, 41(3), pp. 124-151. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2022-3-5>

Sidorin, V. V., 2021. Lyubov Isaakovna Axelrod. In: A. V. Chernyaev and T. G. Shchedrina, 2021. *Institut nauchnoj filosofii. Nachalo [Institute of Scientific Philosophy. The Beginning]*. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, pp. 144-152. (In Rus.)

State Academy of Artistic Sciences, 1926. *Lyubov' Isaakovna Aksel'rod. K XXV-letiju nauchno-literaturnoj dejatel'nosti [Lyubov I. Axelrod. On the 25th Anniversary of Scientific and Literary Activity]*. Moscow: GAKhN. (In Rus.)

Trotsky, L., 1986. *Trotsky's Notebooks, 1933–1935: Writings on Lenin, Dialectics, and Evolutionism*. New York: Columbia University Press.

Vanchugov, V. V., 1996. *Zhenshhiny v filosofii (Iz istorii filosofii v Rossii konca XIX – nachala XX vv.) [Women in Philosophy (From the History of Philosophy in Russia in the Late 19th and the Early 20th Century)]*. Moscow: RIC "Pili-grim", pp. 240-247. (In Rus.)

Yakhot, I., 1991. The Suppression of Philosophy in the USSR (1920s–1930s). *Voprosy filosofii*, 9, pp. 44-68. (In Rus.)

Щедрина Т. Г., Щедрина И. О. Иммануил Кант в исторической философии Густава Шпета // Кантовский сборник. 2022. Т. 41, № 3. С. 124–151. doi: 10.5922/0207-6918-2022-3-5.

Яхот И. Подавление философии в СССР (20–30-е годы) // Вопросы философии. 1991. № 9. С. 44–68.

Axelrod E.L. Tolstois Weltanschauung und ihre Entwicklung. Stuttgart : Druck der Union Deutsche Verlagsgesellschaft, 1902.

Trotsky's Notebooks, 1933–1935: Writings on Lenin, Dialectics, and Evolutionism. N. Y. : Columbia University Press, 1986.

Об авторах

Татьяна Геннадьевна **Щедрина**, доктор философских наук, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия.

E-mail: tannirra@yandex.ru

Ирина Олеговна **Щедрина**, кандидат философских наук, НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

E-mail: echiscar@yandex.ru

Юрген **Штольценберг**, доктор философии, профессор, Галле-Виттенбергский университет им. Мартина Лютера, Галле (Зале), Германия.

E-mail: juergen.stolzenberg@phil.uni-halle.de

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6569-2963>

Для цитирования:

Щедрина Т. Г., Щедрина И. О., Штольценберг Ю. Любовь Аксельрод о Канте: осмысление марксистских дискуссий 1920–1930-х годов в СССР // Кантовский сборник. 2024. Т. 43, № 4. С. 155–168.

doi: 10.5922/0207-6918-2024-4-6

© Щедрина Т. Г., Щедрина И. О., Штольценберг Ю., 2024.

Zorina, E. V. and Kulakova, T. V., 2002. Axelrod [Orthodox], Lyubov Isaakovna (Itzikovna). In: P. V. Alekseev, ed. 2002. *Filosofy Rossii XIX–XX stoletij. Biografii, idei, Trudy* [Philosophers of Russia in the 19th and 20th Centuries. Biographies, Ideas, Works]. Fourth Edition. Moscow: Akademicheskij proekt, p. 35. (In Rus.)

Translated from the Russian by Evgeni N. Filippov

The authors

Prof. Dr Tatiana G. **Shchedrina**, Moscow Pedagogical State University (MPGU), Moscow, Russia.

E-mail: tannirra@yandex.ru

Dr Irina O. **Shchedrina**, HSE University, Moscow, Russia.

E-mail: echiscar@yandex.ru

Prof. Dr Jürgen **Stolzenberg**, Martin-Luther-University Halle-Wittenberg, Halle (Saale), Germany.

E-mail: juergen.stolzenberg@phil.uni-halle.de

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6569-2963>

To cite this article:

Shchedrina, T. G., Shchedrina, I. O. and Stolzenberg, J., 2024. Lyubov Axelrod on Kant: Reflections on Marxist Discussions of the 1920s and 1930s in the USSR. *Kantian Journal*, 43(4), pp. 155-168.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2024-4-6>

© Shchedrina T. G., Shchedrina I. O., Stolzenberg J., 2024.